

Игорь Николаевич Гребенкин

(Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина)

Революция 1917 года и трансформация военно-бюрократических структур в России

*The Revolution of 1917 and Transformation
of Military-Bureaucratic Structures in Russia*

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена роли и месту институтов военно-политического управления России в ходе революционных событий 1917 г. Основное внимание уделено реакции аппарата Военного министерства на политический переворот и его адаптации к новым условиям функционирования. Анализируется эволюция военно-бюрократических структур государства в процессе развития политического конфликта и различные аспекты его реформирования.

Ключевые слова: Военная бюрократия, Первая мировая война, Русская революция, Временное правительство, Военное министерство, Совет Народных комиссаров, Народный комиссариат по военным делам

В годы Первой мировой войны органы военного управления и военные учреждения приобрели огромную значимость и влияние во всех сферах жизни России. Высшее военное командование участвовало в выработке внутренней и внешней политики государства, принятии административных и хозяйственных решений. Вместе с тем структура военного управления заметно изменилась. Одно из центральных мест в ней заняла Ставка Верховного главнокомандующего, осуществлявшая руководство армией на театрах военных действий. Военное министерство в управлении вооруженными силами сохраняло лишь вспомогательную роль, решая задачи укомплектования армии, ее снабжения, прохождения службы личным составом, и в своей деятельности руководствовалось законами мирного времени. Существующее законодательство не устанавливало подчинения военного ми-

нистра Верховному главнокомандующему и согласование их работы целиком зависело от императора. Это заведомо создавало почву для конфликта интересов командования действующей армией и военных учреждений тыла, а впоследствии и правительственных структур, что стало одной из характерных черт развивавшегося кризиса власти.

К моменту Февральской революции аппарат военного управления царской России был вовлечен в конфронтацию политических сил и поэтому уже не являлся надежной опорой власти на случай внутренних волнений. Участие военно-бюрократических институтов и контингента многочисленных штабов и военных учреждений в революционных событиях февраля-марта 1917 г. представляется весьма противоречивым явлением. Если Ставка Верховного главнокомандующего активно поддержала переворот и сыграла определяющую роль в организации отречения Николая II, то в Петрограде военное министерство оказалось на периферии противоборства сторон. Главной опорой правительства в столице являлись войска столичного гарнизона, которые подчинялись главнокомандующему войсками Петроградского военного округа генералу С.С. Хабалову. Наиболее высокопоставленный воинский начальник в Петрограде военный министр генерал М.А. Беляев, занявший свой пост 3 января 1917 г., не имел в своем распоряжении войск и, таким образом, не оказывал никакого воздействия на развитие событий. Весь период восстания он провел при штабе Хабалова и вместе с ним 28 февраля был арестован революционными властями. Оставшийся без хозяина аппарат Военного министерства ждал решений нового руководства.

В ходе восстания его организационные центры в лице Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы, крайне нуждались в собственных структурах, которые координировали бы военную деятельность. Их формирование происходило с известной долей стихийности и импровизации. 27 февраля подобный штаб возник в составе Временного Исполкома Петроградского Совета. Видную роль в его работе сыграли эсеры, участники революционных событий 1905–1907 гг.: служащий Николаевской военной академии С.Д. Масловский и старший лейтенант флота В.Н. Филипповский. Параллельно в Таврическом дворце была образована Военная комиссия Временного комитета Государственной думы, получившая также название «штаба» А.Ф. Керенского. По инициативе последнего в ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы объявил о назначении председателем Военной комиссии и одновременно начальником гарнизона и комендантом Петрограда члена Временного комитета, Генерального штаба

подполковника Б.А. Энгельгардта. Это решение вызвало резкие протесты «советской» части штаба и офицеров-фронтовиков. Соглашение было достигнуто, когда Временный комитет заявил о согласии на то, чтобы Военная комиссия контролировалась Петросоветом.

К работе в Военной комиссии Энгельгардт привлек ряд офицеров Генерального штаба: генерал-майора Г.Д. Романовского, полковников Г.А. Якубовича, князя Г.Н. Туманова, Л.С. Туган-Барановского, У.И. Самсон-Гиммельшерну, П.А. Половцова, подполковников В.П. Гильбиха, В.Л. Барановского. Один из них – начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии Половцов – всего двумя днями ранее представлялся в Ставке императору и завтракал за его столом. В мемуарах Половцов объяснял свое появление в составе комиссии Энгельгардта желанием участвовать в наведении порядка в столице¹. Борьба с «беспорядками» являлась наиболее удобным для офицеров-генштабистов, вставших на сторону переворота, объяснением своего поступка, в котором они видели не политический выбор, а стремление исполнять служебный долг, находясь «над схваткой». Ключ к пониманию их позиции предложил подполковник Б.А. Энгельгардт:

Я отдавал приказ о занятии революционными войсками Адмиралтейства, являвшегося последним оплотом правительственных войск. Но в то же время я соговаривался с полковником Доманевским, начальником штаба отряда георгиевских кавалеров генерала Иванова, шедшего из Ставки на Петроград, для совместных действий в целях наведения «порядка»².

По мнению С.Д. Масловского, с увеличением числа офицеров в комиссии, ограничивалось влияние «советских» представителей в ней. Быстро менялась и ее организация, 28 февраля в составе Военной комиссии работало 7 отделов, а спустя несколько дней их число достигло 14³. Так, с ростом влияния Временного комитета Государственной думы его Военная комиссия постепенно перенимала функции штаба Петроградского военного округа, приобретая при этом привычный вид военно-бюрократического учреждения⁴. Однако ей не суждено было стать всероссийским органом военного управления. С падени-

¹ Рог. П.А. Половцов, *Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)*, Москва 1999, с. 21–23, 25.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки [dalej: НИОР РГБ], f. 218, d. 384, s. 10.

³ Российский государственный военно-исторический архив [dalej: РГВИА], f. 372, op. 1, d. 22, k. 102–104.

⁴ С. Мстиславский, *Пять дней. Начало и конец Февральской революции*, Берлин–Петербург–Москва 1922, с. 43–44.

ем монархии новая российская власть не пошла по пути пересоздания государственного аппарата. Унаследовав прежние, далеко не идеальные управленческие институты, Временное правительство начало приспособлять их к собственным насущным задачам. В наибольшей степени это относилось к военному ведомству.

Пост военного министра в первом составе Временного правительства занял А.И. Гучков, как наиболее сведущий в вопросах обороны среди деятелей либеральной оппозиции царизму. Будучи весьма состоятельным человеком, Гучков отказался от министерского оклада – 15 тыс. руб. в год и 12 тыс. руб. в год на представительство. Приказ от 3 марта 1917 г. о вступлении нового министра в должность был призван подтвердить нерушимость сложившегося уклада работы ведомства и таким образом успокоить его персонал. Неизменными оставались распорядок дня в работе главных и отдельных управлений, порядок делопроизводства, дни и часы личных докладов у министра⁵. Однако последующие приказы по военному ведомству не могли игнорировать происходивших политических перемен. Приказ № 114 от 5 марта закреплял некоторые положения знаменитого Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – отменял титулование и запрещал обращение начальников к подчиненным на «ты», а также подтверждал разрешение военнослужащим участвовать в союзах и обществах. Рядом приказов начала марта 1917 г. была отменена смертная казнь в армии, упразднен Отдельный корпус жандармов, отменялись национальные, религиозные, сословные и политические ограничения при производстве в офицеры, был установлен 8-часовой рабочий день и создавались комитеты на артиллерийских заводах, подчиненных военному ведомству.

Самой предсказуемой формой активизации министерского аппарата под влиянием политических потрясений и смены руководства стали структурные преобразования. В бурной атмосфере 1917 г. находили воплощение как новые бюротворческие проекты, так и прежние, не состоявшиеся по тем или иным причинам ранее. Следствием этого становился рост числа подразделений и штатов. В первой половине года в структуре Военного министерства возникли два новых Главных управления – военно-метеорологическое и по заграничному снабжению. Статус главного приобрело управление Военного воздушного флота. В составе Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) были созданы Центральное Военное почтово-телеграфное контрольное бюро и Главная военно-цензурная комиссия, про-

⁵ РГВИА, ф. 400, оп. 21, д. 4230, к. 28.

изошел раздел отдела генерал-квартирмейстера на два особых – 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. Наибольшие изменения за время войны произошли в Главном артиллерийском управлении (ГАУ): если в 1915 г. оно включало 12 отделений, в мае 1917 г. – 21, в котором работало 980 офицеров и чиновников⁶.

Некоторые структурные перемены в Военном министерстве были определенно продиктованы происходившими в стране политическими процессами. 18 мая была образована Комиссия по приведению армии в состав мирного времени. После признания Временным правительством автономии Украины и в связи с развернувшейся кампанией по украинизации войсковых частей и соединений при Военном министерстве возникло представительство Центральной Рады. Намечалась реформа Военного совета, предполагавшая включение в его состав до половины выборных и не только офицеров, но и солдат.

Дух демократизации, охватившей в 1917 г. все сферы государственной и общественной жизни, по-своему влиял на повседневную практику деятельности министерства и стиль работы его персонала.

В мае Военный совет обсудил подготовленное Главным штабом «Положение о чиновниках военного времени» (утверждено Временным правительством 7 июня), которое допускало назначение на классные должности унтер-офицеров, солдат и ратников ополчения, а также разрешало замещение должностей вплоть до начальника управления офицерами и чиновниками независимо от их класса по «Табели о рангах». Определенные новшества наблюдались в делопроизводстве ведомства. Порядок его в министерстве после Февральской революции сохранялся, однако постепенно складывался заметно упрощенный стандарт работы с документами. В 1917 г. в связи с частыми поездками министра по стране большинство документов подписывалось его помощниками. Особым распоряжением помощника министра генерала В.Ф. Новицкого 24 апреля всем учреждениям военного ведомства предписывалось экономить бумагу. Оно разрешало писать документы на полулистах, на четверти листа, использовать простую писчую бумагу, делать исправления в машинописных документах и не перепечатывать их затем набело⁷.

Впоследствии А.И. Гучков отмечал, что либерализация служебной атмосферы в министерстве уже в весенние месяцы 1917 г. граничила

⁶ А.С. Сенин, *Военное министерство Временного правительства*, Москва 1995, s. 135.

⁷ *Ibidem*, s. 145–147.

с разложением и не отвечала задачам военного времени. Однажды в его кабинете при участии начальника ГУГШ генерала П.И. Аверьянова был подготовлен срочный приказ, подлежащий немедленной рассылке. Гучков вспоминал:

Я говорю ему: «Распорядитесь, чтобы это сейчас было напечатано и разослано». Он сконфузился и говорит: «Нельзя. Да ведь пять часов». – «Ну так что же?» – «Да ведь мы ввели 6-часовой рабочий день. Еще писаря в штабе есть, но офицеров уже никого нет». Главное управление Генерального штаба – война идет!... Я чувствовал, что все слякотно, все расползлось⁸.

Важнейшим фактором, определявшим облик и активность Военного министерства в 1917 г., являлась политическая борьба, развернувшаяся в стране и армии. В сравнении с предыдущим периодом в аппарате Временного правительства Военное министерство занимало наиболее влиятельное положение, а министерский пост принадлежал видным политическим деятелям, которые во многом определяли политику кабинета. Смена военных министров происходила в результате политических кризисов апреля и августа, что подчеркивает их ключевое положение в правительстве. В июле-августе 1917 г., когда пост военного министра сохранял за собой глава кабинета Керенский, была введена должность управляющего Военным министерством. Ее занимал известный деятель эсеровской партии Б.В. Савинков, которому принадлежала ведущая роль в организации взаимодействия политического руководства и Ставки Верховного главнокомандующего. В свою очередь по представлению военного министра теперь осуществлялись назначения Верховного главнокомандующего. Каждый Верховный главнокомандующий 1917 г. являлся креатурой соответствующего военного министра. Так, назначение М.В. Алексева состоялось только благодаря влиянию А.И. Гучкова, фигуры А.А. Брусилова и Л.Г. Корнилова были выбором А.Ф. Керенского и отвечали его политическим замыслам, «своего» Главковерха не назначил лишь А.И. Верховский, так как пост был занят по совместительству министром-председателем Керенским.

Принципиально новым явлением для всей российской армии стало формирование политического аппарата Военного министерства. Первым шагом к нему было образование в структуре министерства Комиссии «для переработки законоположений и уставов в точном

⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства, сост. В.И. Старцев, Москва 1993, с. 102.

соответствии с новыми правовыми нормами под председательством генерала А.А. Поливанова». К ее задачам относилось обновление командного состава армии, подготовка декларации о гражданских правах военнослужащих, выработка предложений по улучшению их служебного и материального положения, об изменении порядка награждения солдат и офицеров, о войсковых комитетах в армии. Знаковой была фигура ее председателя – генерала А.А. Поливанова, бывшего царского военного министра с либеральной репутацией, пострадавшего от происков «темных сил», человека близкого Гучкову. Комиссия практически целиком была укомплектована генералами и офицерами Генерального штаба, что указывало на то ведущее положение, которое после революции заняла эта группа военной элиты. В ее состав были включены как опытные военные администраторы (генералы П.И. Аверьянов, А.П. Архангельский, А.З. Мышлаевский) и фронтовые начальники (полковники Ф.И. Балабин, П.А. Половцов), так и офицеры Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), зарекомендовавшие себя работой в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (полковники Г.А. Якубович, Г.Н. Туманов, Л.С. Туган-Барановский). Такое сочетание лиц с разным военным опытом, взглядами и интересами заведомо создавало предпосылки для внутренних конфликтов и волокиты. Все это не способствовало слаженной работе комиссии и придавало ей типичный канцелярский облик. Ее сотрудник полковник Половцов по этому поводу иронично замечал: «Поливановское сборище понемногу превращается в бюрократическую комиссию»⁹.

Итогом работы комиссии Поливанова стала «Декларация прав солдата и гражданина», регламентировавшая взаимоотношения военнослужащих в новых условиях. Подготовленная совместно с военной секцией Исполкома Петросовета «Декларация...» стала результатом политического компромисса и сочетала весьма противоречивые положения. С одной стороны, она требовала строгого соблюдения воинской дисциплины, допускала применение начальниками оружия, отрицала принцип выборности командного состава, с другой – подтверждала гражданские права военнослужащих, в том числе право состоять в любых политических и общественных организациях и открыто высказывать свои взгляды, разрешало применение наказаний только в судебном порядке, отменяло обязательное отдавание воинской чести. Такой документ не мог оправдать ожиданий высшего командования и послужить для восстановления в армии традицион-

⁹ П.А. Половцов, *op. cit.*, s. 39.

ного порядка. За это А.И. Деникин обвинял офицерский состав поливановской комиссии в «преступном оппортунизме»¹⁰. Уяснив реакцию Ставки, подписать «Декларацию...» отказался и сам Гучков, что стало одной из причин его отставки.

С приходом в Военное министерство А.Ф. Керенского комиссия Поливанова была реорганизована в Особое совещание по преобразованию армии под председательством генерал-лейтенанта С.В. Покатова, в структуре же министерства создавалось новое управление – Кабинет военного министра. Основные его функции первоначально были сосредоточены в трех делопроизводствах: политическом («согласование деятельности военного ведомства с общей политикой Временного правительства»), осведомительном (связь с печатью и общественностью) и делопроизводстве «по сношению с войсками». Непосредственное руководство Кабинетом осуществляли помощники Керенского – Г.А. Якубович, Г.Н. Туманов, В.Л. Барановский¹¹.

События июльского политического кризиса требовали от лидеров Временного правительства усиления пропагандистской работы и политического контроля в армии. С этой целью 3 августа приказом военного министра и министра-председателя А.Ф. Керенского путем выделения политической части из Кабинета военного министра было образовано Политическое управление Военного министерства. Первым исполняющим должность начальника управления в соответствии с «Положением о чиновниках военного времени», т.е. без учета чина, стал офицер военного времени, поручик Ф.А. Степун, до войны – доктор философии близкий к эсерам. Политическое управление Военного министерства не случайно появилось в августе 1917 г., так как задумывалось для военно-административного и пропагандистского сопровождения корниловской программы оздоровления обстановки в стране и армии. После августовского кризиса и поражения выступления генерала Л.Г. Корнилова оно претерпело сокращение, а возглавил его подпоручик В.В. Шер – один из помощников нового военного министра А.И. Верховского.

Политическая активность должностных лиц Военного министерства зачастую определялась не только служебными обязанностями и положением, но была их личной инициативой, индивидуальным выбором. В условиях углублявшегося кризиса власти многие видные военные администраторы были разочарованы действиями офици-

¹⁰ Рог. А.И. Деникин, *Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г.*, Москва 1991, s. 301.

¹¹ Рог. А.С. Сенин, *op. cit.*, s. 191–192.

альных властей и структур и оказались вовлечены в конспиративные группы и организации антидемократического, контрреволюционного толка. Полковник Б.А. Энгельгардт вспоминал об одной из встреч с начальником ГУГШ генералом П.И. Аверьяновым. Тот прямо утверждал, что опасность для власти и армии исходит от вождя большевиков Ленина и считал необходимым устранить его физически. «Мы назначили за его голову 200 тысяч рублей золотом...». Нашелся даже желающий – боевой офицер, эсер, но он не вызвал доверия¹².

Революционный 1917 г. ставил перед государственными институтами особые задачи, возможно сверхзадачи. Однако аппарат, доставшийся Временному правительству новой России в наследство от царского, не готов был эффективно действовать в сложной, быстро меняющейся обстановке. Рефлексия и самокоррекция, инициатива и творчество были органически ему не свойственны. Деятельность Военного министерства, как любого бюрократического организма, становилась результативной и оправданной лишь при неукоснительном исполнении исходящего от него управляющего воздействия подчиненными структурами и лицами, а важнейшим его приоритетом оставалось самовоспроизводство. В условиях июльского и августовского кризисов Военное министерство не вышло из подчинения Временного правительства. Технически оно продолжало выполнять возложенные на него задачи, но окончательно проиграло борьбу за армию.

Осенью 1917 г. глубокий конфликт, расколовший власть и общество, стал очевиден даже для высших военных администраторов. Последний военный министр Временного правительства А.И. Верховский, который показал себя в дни корниловского выступления преданным сторонником Керенского, занял свой пост 30 августа. Приступая к работе, он надеялся затормозить процесс разложения армии, добиться некоторой общественной стабилизации, опираясь на авторитет демократических организаций и допуская контакты и компромиссы с любыми политическими силами. В течение полутора месяцев на посту министра Верховский пришел к убеждению, что уже не существует ни мер, ни доводов, которые заставили бы армию воевать и спасение России состоит не в продолжении войны, а в немедленном мире. При этом он хорошо понимал, что отказ от ответственных решений таит угрозу для власти: «Тот, кто сейчас возьмет вопрос о приближении мира в свои руки, тот и получит власть»¹³. В середине октября 1917 г.

¹² НИОР РГБ, ф. 218, д. 384, с. 43.

¹³ А.И. Верховский, *Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.)*, „Военно-исторический журнал“ 1993, 8, с. 67.

Верховский неоднократно ставил перед правительством вопрос о необходимости шагов, направленных на заключение мира, но, не встретив у членов кабинета поддержки, 19 октября заявил о своей отставке. Октябрьский политический переворот и образование первого Советского правительства – Совета Народных комиссаров, положили начало формированию нового государственного аппарата. Уже 26 октября 1917 г. в первом составе Совнаркома возник орган высшего военного управления – Комитет по военным и морским делам, который вскоре (23 ноября) был преобразован в Народный комиссариат по военным делам. Создаваемые Советской властью государственные институты не были связаны бюрократической традицией и целиком ориентировались на решение конкретных практических задач. Примером такого отношения являлся и первый советский Наркомвоен. Руководство им осуществляла коллегия Народных комиссаров, каждый из которых отвечал за одно крупное направление: В.А. Антонов-Овсеенко был назначен главнокомандующим революционными войсками по борьбе с антисоветскими силами на Юге России; Н.В. Крыленко стал Верховным главнокомандующим действующей армией; П.Е. Дыбенко являлся председателем Верховной морской коллегии; Н.И. Подвойский – председателем коллегии по руководству Военным министерством.

Приступая к созданию своего военно-административного аппарата, новая власть, тем не менее, была весьма заинтересована в использовании организационного ресурса старых учреждений. Советское правительство не пошло на немедленный роспуск министерств, сохранявших за собой ответственные функции. В особенности это касалось Военного министерства, которое продолжало решать задачи снабжения многомиллионной армии военного времени. Продолжение работы главных военных учреждений после октябрьского переворота стало возможным в результате добровольной и активной работы на стороне Советской власти ряда генералов.

С первых дней революции функции неформального посредника между Наркомвоеном Н.И. Подвойским и управляющим Военным министерством генералом А.А. Маниковским взял на себя Генерального штаба генерал-майор С.И. Одинцов. Такая схема взаимодействия не отличалась надежностью, но временно обеспечила работоспособность министерства. В конце ноября 1917 г. управление Военным министерством перешло к коллегии во главе с Подвойским, но фактически его должен был осуществлять специалист хорошо знакомый с работой высших военных органов. Назначение начальником Генерального штаба и одновременно помощником управляющего Военным министерством принял генерал-лейтенант Н.М. Потапов,

который с июля 1917 г., будучи генерал-квартирмейстером Генерального штаба, имел контакты с Военной организацией при Петроградском комитете РСДРП(б)¹⁴. Таким образом, работу Генштаба и министерства возглавил генерал, известный и пользующийся авторитетом у служащих, что позволило избежать протестов и саботажа с их стороны. В свою очередь аппарат министерства оказался под контролем Наркомвоена.

Со второй половины ноября 1917 г. началось постепенное сокращение структуры Военного министерства. В ноябре–декабре были ликвидированы Политическое управление и канцелярия военного министра, распущена комиссия по приведению армии в состав мирного времени. В январе 1918 г. были упразднены управления генерал-инспекторов, Кабинет военного министра, уволены председатель и члены Главного военного суда, распущено духовное ведомство. В марте последовало расформирование Главного интендантского управления. Упразднялись и отдельные структурные части главных управлений, некоторые главные управления меняли статус и переименовывались. Несмотря на продолжавшийся в течение 7 месяцев процесс реорганизации аппарат не прекращал работу. В мае 1918 г. уцелевшие подразделения бывшего Военного министерства были включены в структуру новых органов управления Красной Армии. Всероссийский главный штаб объединил ГУГШ и Главный комиссариат военно-учебных заведений (бывший ГУВУЗ). В Центральное управление снабжения передавались Главное артиллерийское управление, Главное военно-техническое управление, Главное квартирное управление, Главное управление пограничному снабжению, Военно-ветеринарное управление, Управление по ремонту армии, Главное управление военно-воздушного флота, Центральная научно-техническая лаборатория¹⁵.

Судьба Военного министерства на фоне революционных событий 1917 г. временами складывалась драматично, но финал его представляется вполне закономерным. Будучи высшим военно-административным органом армии традиционного типа, оно по условию ориентировалось на центральную власть, сохраняло лояльность и подчинение ей, но не могло стать ее активным политическим агентом. Попытки Временного правительства и его лидеров приспособить Военное министерство к решению своих политических задач оказались поверх-

¹⁴ Н.М. Потапов, *Записки о первых шагах советского военного строительства*, „Военно-исторический журнал“ 1968, 1, с. 62–63.

¹⁵ А.С. Сенин, *op. cit.*, с. 246–248.

ностными и поэтому безуспешными. После Октябрьского переворота аппарат министерства перешел под контроль Совнаркома, также как в марте подчинился Временному правительству. Новая власть стремилась избавиться от наиболее архаичных черт и бюрократического стиля работы старого военного ведомства, но не собиралась отказываться от возможностей и потенциала его проверенных и работоспособных компонентов. Наиболее функциональные структурные единицы и заметная часть персонала бывшего Военного министерства составила основу военно-административного аппарата Советской России, обеспечив преемственность в деле военного управления.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

Źródła

- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки:
Fond 218, dzieło 384.
Российский государственный военно-исторический архив:
Fond 372, opis 1, dzieło 22.
Fond 400, opis 21, dzieło 4230.

Opracowania

- Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства, сост. В.И. Старцев, Москва 1993.
- Верховский А.И., *Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.)*, „Военно-исторический журнал” 1993, 8.
- Гребенкин И.Н., *Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг.*, Москва 2015.
- Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.)*, сост. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская, Москва 2008.
- Деникин А.И., *Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г.*, Москва 1991.
- Керенский А.Ф., *Русская революция. 1917*, Москва 2005.
- Мартынов Е.И., *Царская армия в Февральском перевороте*, Ленинград 1927.
- Мстиславский С., *Пять дней. Начало и конец Февральской революции*, Берлин–Петербург–Москва 1922.
- Половцов П.А., *Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)*, Москва 1999.
- Потапов Н.М., *Записки о первых шагах советского военного строительства*, „Военно-исторический журнал” 1968, 1.
- Сенин А.С., *Военное министерство Временного правительства*, Москва 1995.
- Флоринский М.Ф., *Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг.*, Ленинград 1988.

ABSTRACT

The article deals with the role and position of military political institutions in Russia during the flow of revolutionary events in 1917. It specifically focuses on the Military ministry's staff reaction to the political overturn, and their adaptation to the new environment of functioning. Evolution of the state's military bureaucratic structures in the process of the political conflict is put under analysis, as well as various aspects of their reformation.

Key words: Military bureaucracy, World War I, Russian revolution, Provisional government, Military ministry, Council of People's Commissars, People's Commissariat of military affairs

*Revolucja 1917 roku i transformacje struktur
wojenno-biurokratycznych w Rosji*

STRESZCZENIE

Artykuł jest poświęcony roli oraz miejscu instytucji zarządu wojenno-politycznego w Rosji w czasie wydarzeń rewolucyjnych w 1917 r. Szczególną uwagę zwrócono na reakcję aparatu Ministerstwa Wojny na przewrót polityczny i jego adaptację do nowych warunków funkcjonowania. Analizie poddano ewolucję a także różne aspekty reformowania państwowych struktur wojenno-biurokratycznych w trakcie rozwoju konfliktu politycznego.

Słowa kluczowe: biurokracja wojenna, I wojna światowa, rewolucja rosyjska, Rząd Tymczasowy, Ministerstwo Wojny, Rada Komisarzy Ludowych, Ludowy Komisariat do spraw Wojskowych

NOTA O AUTORZE

Игорь Николаевич Гребенкин – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, старший научный сотрудник научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований. В сфере его научных интересов находятся: Социально-политическая история России на рубеже XIX–XX в.; Россия в эпоху модернизации; Россия в Первой мировой войне, в период революции и Гражданской войны; история Русского Зарубежья. Автор монографии: *Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в „Ледяном” походе: Монография* (Рязань 2005), *Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг.: Монография* (Рязань 2010), *На пороге Гражданской войны... Добровольческая армия в „Ледяном” походе: Монография*, Saarbrücken 2010. E-mail: grin17.66@mail.ru

